

Tul_05_002

15.07.05. г. Тульчин

Инф. **Галина Ивановна**

Соб. С. Степанищев, В. Чаплин.

Сторона А:

ЧВ: Спокон веку они здесь живут?

ГИ: Да, да.

ЧВ: А были какие-то районы, они везде жили по Тульчину? Вот как евреи селились?

ГИ: Они

[пауза]

ГИ: Много было, они везде, по всей Украине.

ЧВ. А вот в Тульчине были какие-то районы, может быть, они как-то назывались, где жили евреи?

ГИ: ну, Бершадь, ой, не Бершадь, а Брацлав.

ЧВ. Не города, а именно в Тульчине.

ГИ: Ну, как в Тульчине они жили.

ЧВ: А вот Вам такое название как Кабцунивка ни о чем не говорит, Вы слышали такое название?

ГИ: Слышала.

ЧВ: А что это?

ГИ: Ну это так называлось, там жили сапожники, что жили, делали сапоги, пьяницы. Этак прозвали, этак улицу.

ЧВ: Это улица была?

ГИ: ну это, ну это поселочек такой, наверное.

ЧВ: А где он находился?

ГИ: Ну туда вот, в низу. Ну как его

ЧВ: А вот от этого места до еврейского кладбища, а еврейское кладбище, где оно находилось? Старое еврейской кладбище?

ГИ: Оно и сейчас там находится.

ЧВ: Оно находится в этом районе в кабцунивке или нет?

ГИ: Оно туда выше, ну как вам объяснить, если вы не местные. Оно там есть, часто туда ходим.

ЧВ: А какие были отношения между евреями и украинцами? Вы украинка?

ГИ: Да, да.

ЧВ: Какие были отношения между евреями и украинцами?

ГИ: Они люди... ну как, если с ними хорошо, так и они будут хорошо.

ЧВ: А какие-то ссоры, обиды?

ГИ: Я не знаю, я в этом, я жила никогда не ссорилась.

ЧВ: Понятно. А вот поляки жили в Тульчине?
ГИ: нет, нет.
ЧВ: не помните. А вот во время войны Вы где были?
ГИ: Тут.
ЧВ: А что случилось с евреями во время оккупации?
ГИ: не знаю, мне тогда было 6 лет, что я.
ЧВ: А вот такое место Печера?
ГИ: [нрзб.] че-то там евреи, их там уничтожали, че-то их.
ЧВ: А вот еврейские праздники Вы видели, знаете?
ГИ: Я не знаю.
ЧВ: Спасибо. Спасибо Вам.
ГИ: Все что знала, рассказала.
ЧВ: А вот как Ваша фамилия?
ГИ: А зачем вам?
ЧВ: Ну нам надо.
ГИ: нет.
ЧВ: Хорошо.
[пауза]

ПФ-2. 15.07.05. г. Тульчин

Инф. **Клара Михайловна Кессельбрер**

Соб. С. Степанищев, В. Чаплин.

КК: Фамилия Кессельбрер, Клара Михайловна.

ЧВ: А Вы здесь родились?

КК: Нет, я родился в Бершади.

ЧВ: В Бершади?

КК: Да.

ЧВ: А родители Ваши?

КК: С Бершади. Мама с Бершади, папа с Головалинска (?).

ЧВ: А в каком году Вы сюда приехали?

КК: В 74.

ЧВ: в 74?

КК: Да, да.

ЧВ: А вот как здесь. Мы слышали, что здесь было очень много евреев?

КК: До войны было очень много евреев, до войны было очень много евреев. До войны. И потом началась война, началась, их согнали в гетто в Печере. Там есть братская могила в Печере, есть. Там евреев очень много убивали расстреливали евреев, а там в Печере есть такая речка, такая быстрая, там камни, там булыжники, она это речка, наверное, падает где-то с гор эта речка, и вот на другом берегу были, на другом берегу, где наши были, евреи

были, село Печера, там были немцы, румыны. Румыны по одной стороне, а на другом берегу немцы были. И когда наши хотели напиться водички спускались, были такие ступеньки вниз. Такие ступеньки, когда спускались по ступенечкам, и немцы убивали, у воды. Евреев. Когда евреев. Мне свекровь по рассказывала, они была тоже. Она умерла вот. Кессельбренаер Кира Львовна. Она умерла. В 78 году она умерла, моя свекровь. Так она рассказывала, когда оттуда с Тульчина гнали по этапу в Печеру, по дороге, старики, которые не могли идти не могли, их расстреливали. Они падали, их добивали немцы, их расстреливали. Они падали, их добивали немцы. Их достреливали. Они слабенькие, они не могли идти, детей по дороге убивали, они маленькие были. Они шли, начиная от Печеры шли, добирались пешком, гнали, собакам гнали, полицаи, полицаи ждали с собаками. И маленькие дети были, у родителей были на руках дети, женщины, родители, которые были взрослые, они ушли на фронт, остались старики, остались дети. Я читала в газете «Еврейские вести» там было сказано, что некоторые евреи не верили, что немцы, люди обычно культурные, вот, не верят, что немцы могут с такой жестокостью с людьми обращаться, не верили в это. Они люди культурные, они люди интеллигенция, они никого не будут убивать, они придут и все. Но когда немцы пришли, когда пришли, они стали людей убивать, евреев убивать. А почему нас убивали, не знаю. За что нас убивали?

Соб. А почему как Вы думаете?

КК: Вот некоторые евреи спрашивали украинцев, спрашивали, они по-хорошему, дак они говорят, украинцы, потому что у нас с немцами один язык. Значит, мы будем понимать, мы будем понимать их, поэтому они нас решили уничтожить, шоб мы не-е, не рассказывали лишние вещи.

Понимаете? Вот они поэтому нас убивали. И точно: евреи и немцы совпадают, несколько слов совпадает. Вот слова там.

Соб. А Вы знаете еврейский язык?

КК: Я не знаю. Я понимаю, не все, но понимаю, ну пару слов могу сказать, но я не понимаю.

Соб. А вот здесь в Тульчине, когда Вы переехали, может быть слышали от местных

КК: Очень много евреев в Бершади, очень много. Это был еврейский городок. Когда вечером выдешь, я сама бершадская, выдешь вычером, идет такая луна, значит, вечерок так, прохлада, сидят евреи на присгороди (?), присьбе, сели евреи на присьбе, и шла речь еврейская, такая красивая еврейская речь, старинная еврейская речь. Сидели старики, разговаривали, детей на руках держали, и было очень приятно, значит, и весело было. Там как гетто было в Бершади. И много было евреев, много. И там есть село Пилипоновка, немножко за Бершадью и там жили русские, русские люди

жили, верующие, в старой вере, в старой вере жили. Они ходили. Я помню в детстве, они ходили в полосатых рубашках, потом вверху у них была веревочка, эту веревочку завязывали, этой веревочкой. В старой вере. У них были свои криницы, колодцы, и они никому не разрешали воды напиться, токо своим, иначе получается, что ты ихнюю воду пачкаешь, нельзя. Это, значит, такой обычай, у евреев, есть такие очень верующие евреи, дак у них посуда специально, ну-у, у них называется святая, потому что они сала не едят, мы уже евреи, мы уже сало употребляем. А они не едят сала, по здоровью сало не потребляется организмом, оно очень вредно для здоровья. Вот Вы поели сала, для легких полезно, вот для легких, вот заболит, у меня брат. Вот у меня печаль, брат не давно умер, 7-го мая, в Израиле брат у меня умер, он, у него был рак легких, не пил, не курил, работал на фабрике в Израиле он, а там были химикаты, а он очень много работал. И вот эти химикаты, солнце, химикаты, все это испарялось, он впитывал в легкие. Легкие его сгорели. Он получил рак легких. Он мне звонил, а я же все, у меня один врач знакомый. Он мне говорит: «Клара, ишь сало, сало лечит легкие, забивай салом легкие». Вот я извиняюсь, я ему говорю: «Семен, - брат у меня, - ишь сало. Легкие справишь». Он говорит: «Врач сказал, что в Израиле сало исть вообще не можно. Це белок, а белок – это вредно для здоровья, потому что белого меньше, а больше красного [нрзб.]». Мы же не понимаем: «Ишь сало».

Соб. А вот, когда Вы сюда переехали, это был еврейский дом или не еврейский?

КК: Я вам скажу. Когда война кончилась, мой свекр и свекруха, когда война кончилась, они приехали к себе домой, а дома были разбиты, разграбленные. Вот покойная мама рассказывала, что дома очень грабили украинцы, воровали все подряд, все подряд воровали.

Соб. А вот как-то называли украинцев, было какое-то слово на еврейском, вот как?

КК: Украинцев называли украинцами, просто украинские люди, украинские.

Соб. Какого-то определенного слова не было?

КК: ну. Сам он украинец, так называли бендеры, бендеры, ну потому что они. Бендеры людей убивали, они Красную армию уничтожали, а Красная армия освобождала же людей, освобождала от немецкого ига, так они были совместно, бендеры с немцами за одно. Помогали немцам в борьбе с нашими. А наши воевали, наши шли воевали, боролись с немцами, шо говорить. Шо говорить? Евреи бедные, несчастные пострадали, очень много пострадало евреев, много не дожило до пенсии, много не дожили. Вот свекруха наша до пенсии не дожила. Она умерла рано очень, а все это дало последствия войны, у нее была астма бронхиальная, сердечная астма, она с лагеря, она пережила,

она потеряла ребенка своего. Она дочку потеряла в концлагере, в Печере. Пришла с войны, пришла, ребенка нет. Муж говорит: «Где твой ребенок?» Она говорит: «Ребенок мой умер в концлагере, в Печере». А ты мать нехорошая была, и бросил ее. Она че виновата? Ну, понимаете, некоторые могли выйти с лагеря, вещи меняли на еду, поменять на эти, вещи меняли на еду, а там умирали в концлагере, ну и там. Концлагерь очень большая территория, очень большая территория. Вы там не были на экскурсии? ЧВ: Нет.

КК: Осенью наш председатель общины Рита Гениховна, так она нас везет в Печеру на экскурсию, там очень большие здания, как санатория в Печере. И там очень большая территория. И люди, которые там были рассказывают, шо там на этой территории негде было траве расти, люди лежали, штабелями люди лежали, штабелями лежали. Когда кому-то надо было выйти, в туалет надо было выйти, дак он шагал, боялся токо наступить, шо наступит нечаянно, ну что делать? Охнет, значит живой, лежит, значит, мертвый, люди умирали, каждый день умирали.

ЧВ: А вот здесь было название места, где жили евреи вот в Тульчине?

КК: В Тульчине – оседлость, так называли.

СС: Ну, это

КК: Черта оседлости евреев.

ЧВ: Нет, в Тульчине, вот в Одессе, район Молдаванки, да?

КК: Слышала, слышала.

ЧВ: А вот здесь?

КК: Знаете, я не местная, я с Бершади. Местные може могут сказать такое. Я не местная. Я приезжая.

ЧВ: А вот Ваши родители, а вот бабушки дедушки соблюдали какие-то еврейские традиции?

КК: Соблюдали, соблюдали.

ЧВ: А что они соблюдали?

КК: Они не потребляли, моя бабушка не ели, не ели сало, не потребляли сало, свиное, ниче не ели свиное. Мой покойному, мой муже, значит, бабушка его покойная в пятницу, когда уже наступало солнце, она ничего не делала до солнца, спичку не брала до солнца. А в субботу она уже ничего не делала, ничего, ничего, даже огонь не имела права запалить. И шли значит диты в школу, она, значит, девочка можно, запали мне спичкой огонек. И давай конфеты.

ЧВ: А эти дети какие были?

КК: Дети были украинские. Они шли в школу, в школу шли дети и вот их просили запалить огонек, спичку запалить. И вот ребенок, муж мой рассказывал, что его бабушка была очень истинная верующая, истинная

верующая. Она умерла, конечно, давно, я ее даже не знала, не застала ее, муж рассказывал, что она была очень верующей, очень верующей. Она очень верила в бога, в пятницу она уже приготовила, все. В субботу уже соблюдала субботу, шаббат соблюдала. Соблюдала шаббат.

ЧВ: А вот какие-то молитвы, Ваш муж ничего не рассказывал для женщин?

КК: А-а. Я знаю, к нам с Израиля приезжали верующие, они искали Торы, Торы искали, у меня была Тора тильки тревке, старинные были. Я взяла отдала парню одному отдала, зачем мне? Я не умею читать, я ему отдала, Миша, Миша теперь он где-то в Киеве или Виннице, где-то там учится на кого-то. Я ему говорю: «На тебе, Миша. На тебе возьми. Где-то надо будет, где-то надо читать по-еврейски». Там же на иврите, я не умею читать, не умею, я отдала. На тебе, Мишенька, пусть будет у тебя. Он сейчас учится на раббе, он учится этому делу. Я ему отдала этому Мише эти отрывки из Торы.

СС: Может, Вам рассказывали какие-нибудь молитвы?

ЧВ: Какие-то особые случаи?

КК: Да, когда умирает человек, дак читают, читают.

ЧВ: А какую молитву?

КК: А шо я вам скажу, что я понимаю. Вот есть молитвы, когда человек умирает, кажется называется кадиш, кажется называется кадиш. Когда человек умирает его [нрзб.] По покойнику, молятся над ним, есть к празднику молитвы, есть за упокой, есть за упокой. У нас же есть шаббат. Надо пойти на шаббат.

ЧВ: А у нас свой шаббат, мы живем в гостинице, и там у нас будет

КК: Да? Свой шаббат у вас?

ЧВ: да.

КК: Шаббат у нас, вот сегодня пятница, шаббат в Потоцком, там есть офис у нас в Потоцком. Там при дворце там такой офис есть. В 3 часа дня.

ЧВ: Я понял.

КК: Я не хожу, у меня мать парализованная, я не хожу

ЧВ: Это Рита делает?

КК: Да. Там у нас раббе женщина – Соня, Рита заместитель ее. Вот они проводят шаббат. Красиво проводят шаббат. Молятся, это все она, изучают Тору, красиво.

ЧВ: Скажите, а что еще Ваш муж рассказывал о бабушке о своей? Вот она шаббат соблюдала?

КК: Очень соблюдала

ЧВ: Вот как она пищу кушала? Какие были особенности?

КК: Еврейскую пищу. Свинину не ела. Нельзя было, свинину есть

ЧВ: А было какое-то разделение посуды?

КК: У верующих да, у верующих разделение посуды – да. Разделение посуды

да. Они не едят свинины, эта посуда все равно святая. Для людей молящихся посуда, чистенькая, аккуратная. Она чистая. Те, которые едят свиное, эту посуду употреблять не можно, она считается не чистая посуда. Мне муж рассказывал, эта посуда не чистая.

ЧВ: А вот, когда рождались дети?

КК: Когда рождался мальчик, я помню, так пекли такие пряники, угольником, угольником пекли пряники. Пряники, конфеты и дети всем раздавали, в детстве я помню. А это в честь мальчика, в честь наследника пекли пряники. Угольники такие.

ЧВ: Они как-то назывались?

КК: Да. Такие пряники. Вот я вам нарисую. Вот такие пряники угольные.

ЧВ: Вот я понял.

КК: Такой еще пряник, такой еще. Во! Как называли я не помню, угольник, я помню, эти пряники всем детям раздавали, с конфетами. Это в честь рождения мальчика, в честь рождения мальчика.

ЧВ: А когда девочка?

КК: Я не знаю. Я знаю, что мальчик, потому что это радость в жизни, большая радость.

ЧВ: А вот звали кого-то?

КК: В Грузии, когда рождается ребенок, там плачут. Там плачут, на там такой обычай, там плачут. У нас радость, у нас пряники печут. Я не знаю, как называется праздник, я не знаю, я помню в детстве.

ЧВ: А было ли такое, чтобы приглашали какого-то человека? Обрезание делали?

КК: делали, делали. Обрезание мальчикам. В Бершади была синагога, она и до сих пор есть. Она там старинная в Бершади. И там делали обрезание, в Бершади делали обрезание до войны.

ЧВ: А после войны?

КК: После войны я уже, куда-то возили в Черновицкую возили, там еще верующие остались люди и там делают обрезание. А у нас уже такого не слышно.

ЧВ: А вот свадьба, что вот рассказывают?

КК: Ну, э-э моя мама во время войны, когда выходила замуж, война же была, так было еще рабин там в Бершади и делали свадьбу. Их ставили такой наверх, называлась кипа. По-моему, и их так венчали, как бы венчание еврейское.

ЧВ: А что там еще было?

КК: Брали тарелку, тарелку брали. В платочек тарелку завязывали и жених на тарелку бил ее ногой [топает], чтоб счастье было дома, чтоб ссор не было, тарелку были. Стекло – это к счастью, к радости, к счастью, когда стекло

бьется дома.

СС: А скажите, а похороны как?

КК: Вот похороны, вот сейчас у меня умер брат в Израиле, там так хоронят по обычаю еврейскому. Вот его в больницу, там в больнице умер. Помыли, положили в саван, саван такая, как бы белый мешок такой одевается, застегивается. И берут, там такие есть носилки, ставится тело.

ЧВ: Это Вы видели?

КК: Это я слышала, это мне рассказывали. По рассказам, а еще я сама лично видела, я в детстве видела такое. Я видела. Я в детстве в Бершади. Я видела в Бершади, как выносили покойника на носилках, белый саван, сверху было белое одеяло покрыто, и его быстро несли на кладбище.

ЧВ: Быстро?

КК: Быстро, быстро. Потому что нельзя, потому что он уже с того света, ему уже здесь нельзя по еврейскому обычаю. Умер человек надо сразу нести домой.

ЧВ: А какая была дорога? Быстрая? А вот к кладбищу?

КК: У нас в Бершади кладбище ровное. Собрались и понесли. А вот у нас в Бершади синагога есть, так там так, здание двухэтажное, значит внизу молятся женщины, а на втором этаже мужчины молятся. Наоборот. Женщинам и мужчинам по религии запрещается совместно молиться богу.

ЧВ: А почему?

КК: не разрешается. И женщины, если где-то свадьба у евреев, если религиозная свадьба у евреев, значит, мужчины празднуют отдельно и женщины празднуют отдельно эту свадьбу.

ЧВ: Вы это видели?

КК: Я это видела по видику, по видику, как происходила свадьба в Израиле, выходила замуж девочка, моя родственница, и там свадьба была отдельно для женщин, отдельно для мужчин, отдельная комната. Э-э гости веселились в отдельной комнате. Две половины.

ЧВ: А вот Вы видели в Бершади похороны?

КК: Видели. Мне этот случай запомнился, запечатлелся в голове, это все такое обозрение. Все такое белое, знаете, все такое белое на тюль было покрыто, такие носилки были, носилки. Я же немножко не понимаю, мне это люди рассказывали, все происходило, такие носилки и ставился тело. Ну, тело было одето в саван, такой белый мешок из материала белого, мешочек, шилось все, тапочки, тапочки шились, тапочки с материала одевали и вставляли в мешочек. А раньше сшивался нитками, сшивался и тюлью покрывался сверху. Потом не знаю, и мужчины выносили на кладбище.

Соб. А кто выносил, родственники?

КК: Родственникам нельзя.

ЧВ: Нельзя?

КК: нельзя, только посторонние, родственникам нельзя.

ЧВ: А почему?

КК: Ну, такой обычай – нельзя. Даже у украинцев, у всех – родственникам трогать нельзя. Только посторонние.

СС: Вообще Вы не знаете, как проходило омовение покойников?

КК: ну, приходил специальный человек, который умел молиться на еврейском языке и читал кадиш, это молитва специальная о погребении.

СС: Омовение, нет, когда мыли.

КК: А когда мыли. Тоже поют. Я не знаю, я не видела.

СС: ну, вообще как это происходит?

КК: Я не видела, я не скажу, это люди, которые старшее поколение, но я помню это, как хоронили, у нас хоронили женщину. Выносили.

ВЧ: А чем-то отличаются мужские похороны от женских?

КК: Вот это, вы задаете вопрос, которые люди понимают в этом вопросе, я в этом вопросе не компетентна.

СС: А после смерти дома что-то происходит?

КК: Конечно, происходит.

ВЧ: А что?

КК: надо помыть полы. Когда умирает человек, остается, ота, оставляют тут людей, человека постороннего и нужно все полы вымыть, как бы нечистую силу отсюда вымести, нужно подмести и пол помыть быстренько. Когда покойник уходит нужно все вымыть, от него избавиться.

СС: А что-нибудь с вещами?

КК: ну, я так скажу, вот обувь покойника носить нельзя ее надо спаливать, рубать и спаливать. Если вы, не дай бог, оденете обувь, считается, что вы ходите по голове у него. Значит, у моего мужа умер брат, сначала рубили обувь, все порубали и спалили ее. Такая традиция еврейская, обувь надо спаливать.

СС: А с водой что-нибудь делают, кроме того, что полы моют?

КК: надо полы помыть, как покойника вынесли, надо сразу полы помыть. Надо помещение очистить.

ЧВ: Скажите, а вот евреи ходят на кладбище когда?

КК: Осенью, осенью.

ЧВ: Осенью

КК: Осенью начинаются еврейские праздники, и до праздников надо прийти на кладбище, надо прийти на кладбище и просить, что надо. Просят там.

ЧВ: А что просят?

КК: Примерно, вот я вам скажу, как у меня было. Вот не давно. Зимой моя мать сильно заболела, вот мне снится мой покойный дядя, он ко мне

приходит и, значит, он мою маму мучает, понимаете, он значит, как раз ходит ночью. Она у меня парализована 5 лет. И она с ним разговаривает ночью, значит, он к ней ходит. Он ее заберет мою мать! А я не хочу, чтобы он забрал мою мать. Это моя мать, и как бы она не парализована, я хочу, чтобы она была со мною. Знаете туда сюда, знаете, жалко человека. И шо я делаю? Я иду на кладбище. И у меня отец покойный Юры, свекор мне снился. Я беру цветы, покупаю очень много цветов, беру такси, и с мужем поехали на кладбище. И пошла на кладбище и стала плакать, просить, что пожалуйста, не приходите к маме, не мучьте ее, не трогайте ее. Она и так несчастная, больная и что думаете: они все поняли и перестали ходить, и она выздоровела. И она выздоровела моя мать. Я это верю, есть бог на свете, есть бог. Бог на свете есть.

СС: А с Вашей матерью нельзя поговорить?

КК: Она парализована, там не с кем говорить, она человек больной. Вот скажите, вы верите в бога?

СС: Да-а. Бог есть. Бог есть. Эти говорят так саяк, а бог один бог. Бог один. И Тора, Тора – это еврейская Библия, евреи дали всему миру Библию. Тора, вот мне прислали Тору, вот я в тот дом несла, мне прислали Тору из Израйля, дали мне родственники. Дак, я Библию сравнила с Торой: буква в букву совпадает, совпадает.

ЧВ: А вот есть какие-нибудь еще еврейские приметы, ну вот что-нибудь от сглаза? Что-то?

КК: А! Ну вот когда ребенок родится, значит надо ребенку одеть красную ниточку завязать или красную тесемочку на руку от сглаза. Так люди говорят – от сглаза. Или булавочку маленькую, с той сторону застегивать булавочку, чтобы не было сглаза. Это такой народный обычай. Защита для здоровья, от сглаза. Это говорят люди. Люди старые, они очень много понимают, много знают, а мы читаем, читаем Тору читаем. Нам приходит, последнее присылали газету, там все равно интересно. Вот газета. Вот она, она очень интересно, там еврейская тема, там очень все интересно. Там есть Тора, из Торы отрывки. Вы тоже читаете газету в Одессе.

ЧВ: Я нет, я знаю, я знаю ее.

КК: есть «Еврейские ведомости», очень много газет.

СС: А «Еврейское слово» Вы не читаете?

КК: не. А что есть «Еврейское слово»?

СС: ну есть.

КК: Это у вас в Виннице, в Одессе есть?

СС: нет, в Москве. Я в Москве.

КК: ну, кто мне даст это еврейское слово, все жадные, жадные. Я беру, вечером читаю.

ЧВ: А какие были отношения с не евреями? Приглашали ли в гости?

КК: Мы общаемся, мы общаемся, мы общаемся с украинцами, украинцы общаются с нами, украинцы.

СС: Это сейчас. А до войны?

КК: До войны люди жили очень дружно. Очень дружно жили. Вот я знаю, по рассказам людей – очень дружно жили, дружили. Очень друг друга уважали, любили, работали вместе. Во время войны, если бы не украинцы евреев бы не было на земле, они бы погибли евреи. Все люди одинаковые, все одинаковые. Есть евреи хорошие, есть украинцы хорошие, есть паскуды. Вот у нас недавно купила дом украинка женщина, она сама полька, полячка, дак она не давно живет у нас, она купила дом у евреев, дак они ей угля оставили, дров оставили – деньги не взяли у нее, оставили мебель – деньги не взяли у нее. Понимаете? Еврейская, еврейская натура – дарить, делать добро, добро делать, понимаете? А что вы думаете, а добра не делай им, все равно не будет спасибо, никто не скажет. Вот недавно, недавно она сказала мне: «Ты вонючая жидивка». Понимаете, она недавно здесь живет.

ЧВ: Наверное, она не местная, а вот местные. А вот местные, местные.

КК: Я в Тульчине 30 лет живу, 30 лет. Я проработала на фабрике обувной 26 лет на одном месте. Меня знали и уважали, понимаете, как. Что украинцы, какие-то дни рождения, свадьбы, мы всегда вместе праздновали событие это, понимаете, отмечали, никто ничего не говорил. У нас не было распрей. Это я первый раз вижу такое. Национализм у нее, понимаете как, ненависть к евреям, понимаете как. У нее были книги еврейские, она мне все их отдала, она мне все книги отдала. Все книги отдала, все книги еврейские, все. Она значит, ненавидит евреев, не любит евреев, ненавидит. Но это ее дело.

СС: А какие книги?

КК: еврейские, на еврейском языке. Умеети? Я вам подарю книги на еврейском?

ЧВ: А они старые?

КК: Довоенные.

СС: Ух ты.

ЧВ: это было бы очень интересно.

Н: Здравствуйте.

ЧВ: Добрый, добрый день. Скажите, а были вот, вот была Пасха еврейская, а вот угощали ли евреи?

КК: Вы имеете в виду, угощали ли евреи украинцев?

СС: Евреи украинцев, украинцы евреев?

КК: Ща я вам скажу, ща я вам расскажу. Поставь, поставь. Что я вам скажу. Вот женщина украинка, славная женщина, очень хорошая женщина. Она к евреям относится, она культурная, у нее нет национальности еврейской, но

она знает, что все люди одинаковые. Раиса Ивановна вот.

ЧВ: Мы тут интересуемся Тульчина, как вот здесь люди жили, какие были отношения между украинцами, евреями, были ли ссоры.

КК: Пусть она скажет, пусть она скажет, Раиса Ивановна.

РИ: Всякие люди были.

КК: Раиса Ивановна, Раиса Ивановна, вы евреев уважаете?

РИ: Очень даже: были евреи – был порядок, нема евреев – стал капец.

КК: Я извиняюсь, я скажу, вот вчера, далеко идти, надо бы им помочь, капать яму, одну, вторую, мужик, Клара – иди, я мужу – Юра иди. Мы идем, мы дружим – мы евреи, они украинцы. Идем, надо человеком быть, человеком. Они нам помогли тоже. Взаимопомощь, взаимопомощь. Тут уже играет человечность, а не национализм.

ЧВ: А вот знали ли украинцы еврейский язык?

РИ: нет.

ЧВ: А Вы местная?

КК: нет, она выросла в селе.

СС: До войны, до войны.

РИ: не, не, не

КК: она молодая.

СС: нет, Вы не слышали?

РИ: Моя бабушка, например, в войну, был парень, еврей – Миша, и вона его, ему было 5 рочки и она его, у нас был такой долина, луг и она там бачила. И уже осень такая глухая, слякоть, и она солому, раньше в печи палили солому. Каже: «Че там плаче». Сховался, сховался.

[все говорят хором]

РИ: Парика надень мне на голову. А цей, бабка тоже плачет: Ой, хлопчик. А война ж была, вже бомбили, а он сидит и бабка забрала его и ховала его на печи. А кругом ходили, чтобы всих туды, бабка выростила, всю войну. Так мама все рассказывала, бабки уже немає, вин так на печи сидим, никуда не маем, их шестеро было у бабки. Нихто не сказал, нихто. Бывала, что бабка ховала и выховала, когда женився, бабке посылки раз разом приезжал, а посылки все слал, а потом уже бабка померла. Може уехал, таки люди уезжают. В итоге связи ни было.

[пауза]

ПФ-2. 15.07.05. г. Тульчин

Инф.: **Эстер Абрамовна Браверман**, 1925 г.р.

Соб. С. Степанищев, В. Чаплин.

ЧВ: Ваши родители здесь родились?

ЭБ: Да, здесь, здесь. Тут родилися. В Тульчин

ЧВ: А где жили евреи в Тульчине?

ЭБ: Везде жили евреи, тут жили евреи, везде на этот район. В городе, тут, да. А это вот э-э, где это Красина, там дальше, в общем, все евреи тут жили, на тут в Тульчин, в городе и тут и там.

ЧВ: Скажите, а Вам такое название как Нестервар говорит что-то?

ЭБ: Нестреварке? Это село. Евреи там

РИ: Жинка была и чоловік – Нестер. И Варка – жинка, Варварка. Це було чоловік и жинка и вони соединилися, подружилися и организовалися в том сели, они перши и поэтому Нестерварка.

РИ: Вы знает, что тут турки были?

ЭБ: Все идут на это вот, бальнице, дер майтер купить, больница, больница и скорая помощь. Это взятки, взятки.

ЧВ: К сожалению, к сожалению

ЭБ: Мне уже 84 год, давайте мне помощь.

ЧВ: Ну поговорим, мы общаться с руководством.

ЭБ: С кем с Ритой, с Ритой?

ЧВ: Не только

РИ: Выше, выше!

ЭБ: 84 года, 3,5 лагерь

РИ: В Печере.

ЭБ: В Печере. Болеет, когда я была в этот лагерь, я все время болею.

ЧВ: А Вы в лагерь попали с родителями?

ЭБ: Конечно, только с мамой.

ЧВ: А папа?

ЭБ: Папа забрали.

ЧВ: Куда его забрали? На войну?

ЭБ: Ну, конечно.

ЧВ: Он воевал?

ЭБ: Да.

ЧВ: А сколько детей было?

ЭБ: Трое.

ЧВ: И все дочки?

ЭБ: Да, да вот не давно умерли у меня сестра. И это вот из Киева умерли. А осталася одна, одна.

ЧВ: А Вы одна остались?

ЭБ: Я одна. Я тепер я буду умирати. Я тепер я буду умирать, пускай помощь дают, даже не приходит и не спрашивает: «Как у вас, что у вас?» Вот она взяла, уехала, дом престарелых, будете там, дом престарелых. Там тебе это. Вот она не хочит, она не хочит, чтобы я командовала, у меня болит, меня же не хотят взять в больницу. Вы понимаете?

ЧВ: Я понимаю.

ЭБ: Потому что я, потому что я уже очень старая. Ваших годах, молодые люди умирают, че мне делать, скажите.

ЧВ: А вот такое название как Капцунивка, это что такое?

ЭБ: Это какое улице, где Миша живет.

Сын: Саша там.

ЭБ: Ну где это?

ЧВ: Ну что там?

ЭБ: Там жили евреи. Там жили евреи, в городе жили. В Нестерварке тоже жили.

ЧВ: А откуда это название, почему Капцунивка?

ЭБ: Ну такое это вот, такой разговор это был.

ЧВ: А что это, что это обозначает.

ЭБ: Такое имя.

РИ: Оседлость евреев, оседлость евреев, где евреи проживали.

ЧВ: А там же, наверное, была синагога?

ЭБ: нет.

ЧВ: А где синагога находилась?

ЭБ: У меня находилась синагога

ЧВ: А где?

ЭБ: На Ли [нрзб.]

ЧВ: На? Как улица называлась?

ЭБ: наша?

ЧВ: Да.

ЭБ: Октябрьская. Я держала синагог у меня дома, в хати.

ЧВ: А у Вас! А что это? Что это было?

ЭБ: Мы пришли из лагеря, я начала строить хаты, мне было негде жить, так я взяла синагогу, чтоб они это молилися. Они молилися, они мне платили деньги. Каждый день они, не каждый день, суббота они пришли сюда и молилися.

ЧВ: А приходили мужчины?

ЭБ: Сами мужчины. 15 мужчин

ЧВ: 15 мужчин.

ЭБ: Да. И тут повесила на дверь маgedу, что целует, когда заходит, когда заходит, когда заходит в дверь, они поцеловал это, они одела это вот тубетейки на голову, они взяли это книги, они это по-еврейски читала, молилася. Наверное, полтора часа.

ЧВ: А почему у Вас в доме? А что с синагогой?

ЭБ: Так не было

РИ: Было до войны.

ЭБ: Давно. Закрыли. Не, не, они заняли у меня дом и молились.

ЧВ: А когда это примерно?

ЭБ: После пожара, после пожара.

ЧВ: В какое время? Когда они к Вам приходили?

ЭБ И в час.

ЧВ: Какой год, в каком году, это было?

ЭБ: Я помню.

ЧВ: После войны?

ЭБ: да, после войны.

СТОРОНА В:

ЭБ: Миша, какие это были года?

М: Я помню: Я знаю?

ЭБ: Они тоже заняли, чтобы сперва дом, они мне дали 150 – 200 рублей, чтоб они все. И женщина была один и мужчина.

ЧВ: Отдельно женщины?

ЭБ: Да, отдельно. В двух комнатах, а мужчина во второй.

ЧВ: Это были книги, они молились по книгам?

ЭБ: По книгам.

РИ: По Торе.

ЧВ: А когда это прекратилось?

ЭБ: Када умерли люди.

ЧВ: Это долго значит было?

ЭБ: Када умерли, умерли старые люди, тогда все.

ЧВ: Когда это завершилось?

ЭБ: Это уже давно. Да. Мой муж уже лежит 9 лет, 10 лет. Это еще раньше было. Наверное, 20 лет, я знаю. Я помню

ЧВ: А скажите, какие еврейские праздники Вы знаете?

ЭБ: А Судный дэнь, когда не кушать это было. Когда Судный день – это праздник, после этого когда надо было простать, это было праздники.

ЧВ: А какие Вы праздновали вот с родителями?

ЭБ: Мои?

ЧВ: Да.

ЭБ: Мама, мама, папы же не было, дак мы этого

ЧВ: Мама что-то праздновала, отмечала?

ЭБ: ну, конечно, она знала праздники, они что-то варила. А мацу не могла купить, потому что нету, надо было деньги много. Вот так вот.

ЧВ: А вот как Вы с мацой поступали?

ЭБ: Как мацу? Мы ее кушали хлеба, потому что мы ее имели на мацу, пекли, штоб дали, штоб купили, комната, пекти и платить им много деньги. Нету.

ЧВ: А сами мацу не?

ЭБ: А мама была уже старенький. Она не может, а я может.

ЧВ: Когда были молодые?

ЭБ: Делали сами

ЧВ: А как делали?

ЭБ: Как делали?

ЧВ: ну как делается маца.

ЭБ: Возьмут мука, воды и замешаит, и потом на стол выкачали и в пичь. Да.

Надо печь в пичь.

СС: А яйца не добавляли?

ЭБ: нет. Не соль, не яйца, только воды и мука, и закатали и это.

СС: А из мацы ничего не делали?

ЭБ: Почему? Можно пожарить с мацы, можно бабки срубиты.

СС: А бабки – это что?

ЭБ: Ну, ну это бабки. Че не знаете? Штоб кушать.

ЧВ: А как она готовится?

ЭБ: Берется это вот кадалки (?), ляют воды, помещают мацу, яичко и бросают туда в пичь.

ЧВ: А какие еще блюда с мацой?

ЭБ: Я знаю какие блюда, можно просто кушать. Вот так.

ЧВ: Скажите, а угощали мацой соседей?

ЭБ: Бывало

ЧВ: И вот украинцев, да?

ЭБ: Да, да, да.

ЧВ: Они брали мацу, они не?

ЭБ: не брать было, не, не.

ЧВ: не было такого?

ЭБ: Не

СС: А украинцы вообще не заказывали молитвы в синагоге?

ЭБ: не.

ЧВ: А Вы помните, когда синагога работала? Когда евреи в синагоге молились?

ЭБ: не, я не помню. Ой.

ЧВ: Украинцы присутствовали на еврейских каких-то мероприятиях?

ЭБ: Украинцы?

ЧВ: ну там на свадьбе?

ЭБ: ну, конечно, было свадьба соседов, дак допустили, конечно, пропустили.

ЧВ: А на еврейских свадьбах Вы были?

ЭБ: Кто?

ЧВ: Как они проходят?

ЭБ: Украинцы?

ЧВ: Еврейская свадьба.

ЭБ: не знаю

ЧВ: Вот мама не рассказывала, как свадьба проходила?

ЭБ: Она мне рассказывала, рассказывал, нет, нет.

ЧВ: А свадьбы устраивались где? Дома или на улицах?

ЭБ: Дома, дома.

ЧВ: А была музыка на свадьба?

ЭБ: Да, еврейская музыке.

ЧВ: А кто играл?

ЭБ: Евреи

ЧВ: Они как-то назывались еврейские музыканты.

ЭБ: ну когда-то было, я помню теперь, Пиня был, я помню еще.

СС: А как назывались еврейские музыканты?

ЭБ: Пиня.

ЧВ: Это их имена?

ЭБ: да.

ЧВ: Это их имена, а не было какого-то названия общего? А вот на еврейском языке Вы знаете, какие-то поговорки?

ЭБ: Только это можно э-э говорить... Такие я но это вот.

ЧВ: А песни какие-то знаете на еврейском?

ЭБ: не.

ЧВ: Песен не знаете

ЭБ: не.

ЧВ: Чем-то еврейские дома отличались от нееврейских?

ЭБ: Как?

ЧВ: Это еврейский дом, это нееврейский?

ЭБ: да, конечно, знаете, вот тут евреи живут, а там русские. Конечно

ЧВ: Нет, а по своей планировке, если не знать, кто в них живет?

ЭБ: не знаю. Русские знают все, тут живут евреи, а там русские.

ЧВ: А было такое, евреи молились, а был ли какой-то водоем куда ходили евреи совершать омовение?

ЭБ: Что?

СС: Ну окунались в воду?

Сын: Нет, такого не было.

ЧВ: А такое название как миква?

ЭБ: не, не, они тильки пришли. Ну-у в накидке и шапочки и тут, и в книге молился и больше ничего

ЧВ: А какие еврейские праздники Вы помните, вот осенью какие праздники Вы отмечаете?

ЭБ: А теперь отмечают? Никто не отмечает.
ЧВ: ну а тогда? Родители, бабушка, дедушка?
ЭБ: Толька Пасха.
ЧВ: А как Пасха? Что евреи делали перед наступлением Пасхи?
ЭБ: Я знаю, то они делали? Они говорились.
ЧВ: как готовились?
ЭБ: Делали мацу.
ЧВ: Что еще делали?
ЭБ: Больше ничего, больше ничего, ходили молиться, больше ничего.
ЧВ: Понятно. У тебя есть еще вопросы?
СС: Да.
ЧВ: ну давай.
СС: Скажите, мальчиков обрезали.
ЭБ: Обрезали.
ЧВ: А кто? как это происходило?
ЭБ: Потому что тут был Шойхет, рабе, рабе
Сын: Разве хорошо обрезали? Даже со смертью, со смертью я видел.
ЭБ: Заходил в дом и обрезали, а потом каждый день молились, марганцовкой залили все.
Сын: Обрезали что страшное дело.
ЧВ: А вот этот рабе, что он делал в Тульчине?
ЭБ: Курам, курам
ЧВ: Кур резал?
ЭБ: да.
ЧВ: И он делал обрезание?
ЭБ: Да, да.
ЧВ: Понятно. А как вот это? Это был праздник? Как-то готовились?
Готовили какие-то блюда?
ЭБ: А зачем готовить? От только выпил немножко вино и все.
ЧВ: А вино какое было?
ЭБ: А я знаю такое вино, я помню. Ой.
СС: Скажите, а в этот день в синагоге что-то особое происходило?
ЭБ: несколько людей было, мужчины, тильки мужчины. Он взял этого, обрезал свой бритвы и потом эту штучку взял в рот и пососал и плюнул это, и потом уже этого, вот на шобат будут делать перевязки. И все.
ЧВ: А сколько было сыну, когда его обрезали?
ЭБ: Маленький, маленький. Когда я родила.
ЧВ: Сразу?
ЭБ: да, да.
ЧВ: Это в определенный день?

ЭБ: да.

ЧВ: А все евреи тогда обрезали?

ЭБ: Кто хотел. А мой э-э мужин батька хотел

ЧВ: Что был обрезан?

ЭБ: Обрезан.

СС: А на обрезание присылали какие-то подарки родственники?

ЭБ: Не. Не. Нет, нет. Никто.

СС: А обрезание, где проходило обрезание?

ЭБ: Дома.

СС: Понятно

ЭБ: Ой. У меня так болит желудок

Сын: Теперь будем умирать вместе.

ЧВ: Так плохо?

Сын: Пусть она скажет.

ЧВ: ну хорошо. Еще.

ЭБ: Раньше была Советская власть, медикаменты бесплатно, все, а теперь надо платить за то, а где взять деньги, где взять? Где взять деньги? Кто смотрит на нас? Особенно я, мне же 84 года.

Сын: Теперь я буду умирать

ЭБ: И он заболел.

[пауза]

ЧВ: Как еврейские похороны проходят?

ЭБ: Надо ямы.

ЧВ: надо ямы, угу.

ЭБ: Надо ямы выкопать, наверное, 400 рублей надо дать.

ЧВ: А яма специальная копается?

Сын: не нанимаешь человека.

ЧВ: Понятное, что не сам, ну еврейские старые похороны, была определенная яма?

ЭБ: нет, теперь надо дать денег, тогда выкопают, похоронят и все.

ЧВ: А как евреев хоронили?

ЭБ: Раньше?

ЧВ: раньше.

ЭБ: раньше было иначе.

ЧВ: А как?

ЭБ: Это на палке, на палке носили, и это было черное одеяло накинуто.

ЧВ: Черное?

ЭБ: Да. Нельзя было гроб, чтобы было, так и в ямы, на доски положили и засыпали.

ЧВ: А в каком положении тело?

ЭБ: Какое тело?

ЧВ: Ну тело в каком положении было?

ЭБ: Какое тело?

ЧВ: Ну мертвого человека, как его ложили?

ЭБ: На доски.

ЧВ: Он лежал, сидел?

ЭБ: Лежала! Ну, а че? Конечно, сидел.

СС: А вот, когда человек умирает, есть ли какие-то обычаи, что делают дома? Ну, там.

ЧВ: Родственники, что делают?

ЭБ: Надо идти, родственники? Нельзя выходить на улицу, надо на пол сидеть. Это вот, это вот, так и все.

ЧВ: А что еще? Что в доме происходило, где был умерший? Какие были, что делалось?

ЭБ: нет, нельзя ничего делать.

ЧВ: Ничего?

ЭБ: нет.

ЧВ: А с водой что-то было?

ЭБ: нет.

ЧВ: С водой?

ЭБ: нет, воды, когда это сосед умер, надо вылить воды.

ЧВ: Вылить надо?

ЭБ: да. А так ничего не можно делать.

ЧВ: Откуда надо вылить воду?

ЭБ: Так, в ведрах

ЧВ: В ведрах. Зачем.

ЭБ: Потому что нельзя, надо вылить.

ЧВ: Как Вы думаете почему?

ЭБ: А я не знаю, почему, потому что когда человек умер

ЧВ: надо вылить воду? Да?

ЭБ: Да.

СС: А покойника не оставляли на ночь?

ЭБ: А почему?

СС: Оставляли?

ЭБ: Когда это в субботу. А сегодня пятница, тогда случается в пятницу на субботу нельзя похоронить, только в воскресенье.

ЧВ: А так хоронили в тот же день?

ЭБ: Когда успеют. Когда успеют можно похоронить.

ЧВ: Кто занимался похоронами? Может, были какие-то определенные люди?

ЭБ: Были, они люди, они умерли.

ЧВ: Их как-то называли?

ЭБ: Я не помню. Это уже давно, я не помню. Я не помню.

СС: А вообще из дома, где лежит покойник можно что-то брать, выносить?

ЭБ: А что надо вынести?

СС: Например, мне что-то нужно, я пришел, а в доме покойник

ЭБ: Нет, нельзя.

СС: нельзя.

ЭБ: нельзя.

ЧВ: А как несут?

ЭБ: Какой теперь, когда умирают?

ЧВ: Да, да.

ЭБ: Гроб?

ЧВ: Нет, нет. Не сейчас, а тогда.

ЭБ: Тогда я же вам сказала.

ЧВ: да, на носилках. Медленно шла процессия?

ЭБ: Медленно. Медленно.

ЧВ: не быстро? Не бежали?

ЭБ: нет. Нет.

ЧВ: А вот говорят, что евреи во время похорон боялись колокольного звона?

ЭБ: Когда звонят те?

ЧВ: Да.

ЭБ: Я не знаю.

ЧВ: Скажите, а отличались чем-то мужские похороны от женских?

ЭБ: Женщины, женщин отдельно, а мужчины тоже.

ЧВ: Хоронили?

ЭБ: Да. А что вместе. Отдельно мужчина, отдельно женщина. А если жена от мужа, можно вместе. Понимаете? А так отдельно.

ЧВ: Ау евреев есть поминки?

ЭБ: Какие поминки? Это вот в столовой?

ЧВ: ну, не знаю

ЭБ: ну как хотят, делают, когда есть деньги – делают.

ЧВ: А вот в старые времена?

ЭБ: Нет, у нас такой нет. Тогда этот человек умирает надо носки ходить, на пол сидеть и плакать и это вот не кушать, не кушать. Этого. А когда это вот делают поминки – это как свадьба, нельзя.

ЧВ: нельзя, да?

ЭБ: нельзя.

ЧВ: Скажите, а можно ли поминать еврея в церкви? Вот когда смешанные браки?

ЭБ: То что не идут в церкви, не.

ЧВ: А когда вот, когда вот еврей болеет, а за него в церкви молятся?
ЭБ: нельзя.
ЧВ: нельзя за него?
ЭБ: нет.
ЧВ: А если вот смешанный брак, может ли жена о своем муже, ну поминать в церкви?
ЭБ: Как он захочет.
ЧВ: как он захочет?
ЭБ: Да. Так нельзя. Ой.
ЧВ: А вот вообще в старые времена были смешанные браки?
ЭБ: Были.
ЧВ: как это происходило? Принимали ли родственники супругу, если она не еврейка?
ЭБ: Вот у меня сестра была военный русский, так что не приняла? Приняла.
ЧВ: Сестра была за русский?
ЭБ: да.
ЧВ: Скажите, а есть на еврейском кладбище какие-то особые могилы?
ЭБ: Как?
ЧВ: ну где вот раввины похоронены или какие-то праведники, куда люди ходят молиться? Ходят люди молиться на кладбище?
ЭБ: Идут, ну я не знаю. Може там есть, но я не знаю.
ЧВ: А что берут с собой на кладбище?
ЭБ: ничего.
СС: А там цветы, камни?
ЭБ: А, цветы.
ЧВ: А в старые времена тоже носили цветы?
ЭБ: да. Да.
ЧВ: А камни?
ЭБ: А какой камни?
ЧВ: А кладут камни
ЭБ: не, не только цветы. Камни не.
ЧВ: Хорошо
СС. А не было обычая после похорон переворачивать каравай?
ЭБ. Что?
СС. Переворачивать каравай? Переворачивали?
ЭБ: Не, не.
ЧВ. А с зеркалом что-то делали?
ЭБ: Да, надо закрыть. Когда человек умирает, надо закрыть зеркало.
ЧВ. А зачем?
ЭБ: Чтобы не было видно

ЧВ. Не было видно кого?

ЭБ: Нельзя.

ЧВ. Нельзя?

ЭБ: Нельзя. Если человек умирает, закрывают зеркало везде.

[молчание]

ЧВ. Скажите, а евреи, где памятник устанавливают в голове или в ногах?

Сын: В голове

ЭБ: Не, в ноге

Соб. А просят прощение у покойного?

ЭБ: Конечно, если не так было, чтоб ты меня простили, чтоб ты меня.

ЧВ. А кто это делает первым?

ЭБ: Что?

ЧВ. Ну, кто первым просит прощения?

ЭБ: Ну, родители умирают, чтоб ты меня простил... [молчание] Откуда вы приехали?

СС. Я из Москвы из МГУ, а Вова из Одессы. У нас экспедиция тут. Тут мы...

ЭБ: Из Москвы, да?

СС. Да. Мы тут со всего Союза.

ЭБ: Из Москвы трудно ехать? Как можно теперь в Москву... попасть

СС: Ой, ну на поезде.

ЭБ: Сколько стоит вообще билет?

СС: Билет до Москвы стоит сейчас э-э...

ЧВ: около 100 гривен

ЭБ: 100 гривен. Это не дорого.

ЧВ: нормально

[рассуждение о поездке в Москву]

ЭБ: В субботу нельзя стирать, в субботу нельзя мыться, пятница, такие дни, а в субботу ничего нельзя делать.

Сын: А институт гастрологии тоже в Москве?

СС: да вроде, да.

ЧВ: А что делали, если суббота была рабочим днем?

ЭБ: А не работали. Работали.

ЧВ: У тебя есть еще что?

PAGE

PAGE 21

<http://collections.ushmm.org>
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection